

Алан Александр Милн

Винни Пух и Все-Все-Все

[...Ранее](#)

продолжение

Все вышли в ИСКПЕДИЦИЮ
(Считая и меня).
Сова, и Ру, и Кролик,
И вся его родня!

Вся наша ИСКПЕДИЦИЯ
Весь день бродила по лесу,
Искала ИСКПЕДИЦИЯ
Везде дорогу к Полюсу.

И каждый в ИСКПЕДИЦИИ
Ужасно был бы рад
Узнать, что значит Полюс
И с чем его едят!

– Тсс! – сказал Кристофер Робин, обернувшись к Пуху. – Мы как раз подходим к опасному месту!

– Тсс! – сказал Пух, быстро обернувшись к поросенку.

– Тсс! – сказал Пятачок Кенге.

– Тсс! – сказала Кенга Совае, а Крошка Ру несколько раз подряд сказал "тсс" самому себе.

– Тсс! – сказала Сова, обернувшись к Иа.

– Цыц! – сказал Иа страшным голосом всем Родным и Знакомым Кролика, и они принялись поспешно говорить друг другу "тсс", пока не дошло до самого последнего. А последний, самый маленький Родственник и Знакомый, так испугался, решив, что вся экспедиция говорит ему "тсс", что немедленно зарылся в землю и просидел там вниз головой целых два дня, пока не убедился, что опасность окончательно миновала. Потом он поспешно отправился домой.

Его звали Сашка Букашка.

Экспедиция подошла к речке, которая весело вертелась и кувыркалась среди высоких каменистых берегов, и Кристофер Робин сразу оценил обстановку.

– Это как раз подходящее место для засад.

– Какой сад? – шепнул Пух Пятачку. – Может, там малина есть?

– Дорогой мой Пух, – сказала Сова покровительственным тоном, – неужели ты не знаешь даже, что такое засада?

– Сова, – сказал Пятачок, строго посмотрев на нее, – Пух ведь не с тобой шептался, а со мной, и совершенно необязательно было тебе...

– Засада, – сказала Сова, – это вроде сюрприза.

– Малина иногда тоже, – сказал Пух.

– Засада, как я собирался объяснить Винни-Пуху, – сказал Пятачок, – это вроде сюрприза.

– Если на тебя внезапно наскочат, это называется засадой, – сказала Сова.

– Засадой, Пух, называется, когда на тебя внезапно наскочат, – объяснил Пятачок.

Пух, который теперь уже знал, что такое засада, сказал, что однажды куст малины наскочил на него внезапно, когда он, Пух, падал с дерева, и ему пришлось потом целую неделю вытаскивать колючки.

– Никто не говорил о малине, – довольно сердито сказала Сова.

– Я же говорил, – сказал Пух.

Они очень осторожно шли по берегу, пробираясь между скал и камней, и вскоре дошли до места, где берег был пошире и незаметно превращался в ровную лужайку, поросшую зеленой травой, на которой так и хотелось посидеть и отдохнуть. Как только они пришли туда, Кристофер Робин скомандовал: "Стой!" – и все уселись отдыхать.

– По-моему, – сказал Кристофер Робин, – мы должны съесть всю нашу провизию, чтобы нам было легче идти дальше.

– Съесть все наше что? – сказал Пух.

– Все, что мы принесли, – сказал Пятачок, приступая к делу.

– Это хорошая мысль, – сказал Пух и тоже приступил к делу.

– У всех есть что поесть? – спросил Кристофер Робин с полным ртом.

– У всех, кроме меня, – сказал Иа. – Как обычно! – Он грустно оглянулся. – Интересно, никто из вас не сидит случайно на чертополохе?

– Кажется, я сижу, – сказал Пух. – Ой! – Он вскочил и оглянулся. – Да, я сидел. Я так и чувствовал!

– Спасибо, Пух. Если он тебе больше не нужен, то...

Иа-Иа перешел на место Пуха и начал есть.

– Между прочим, чертополоху не на пользу, когда на нем сидят, – заговорил Иа, на минуту оторвавшись от еды. – Он теряет всякую свежесть. Помните об этом, друзья мои. Не мешает проявлять внимание к товарищу. Надо иногда подумать и о других, я хочу сказать!

Как только Кристофер Робин покончил со своим завтраком, он что-то шепнул Кролику, а Кролик сказал: "Да, да, конечно", и они отошли в сторонку.

Как только Кристофер Робин поклялся со своим завтраком, он что-то шепнул Кролику, а Кролик сказал: "Да, да, конечно", и они отошли в сторонку.

– Мне не хотелось говорить при всех, – начал Кристофер Робин.

– Понятно, – сказал Кролик, надувшись от гордости.

– Дело в том... я хотел... да нет, наверно, и ты, Кролик, не знаешь... Интересно, какой из себя Северный Полюс?

– Ну, – сказал Кролик, встопорщив усы, – надо было раньше спросить.

– Я раньше-то знал, но как будто позабыл, – небрежно сказал Кристофер Робин.

– Странное совпадение, – сказал Кролик, – я тоже как будто позабыл, хотя раньше-то я, конечно, знал.

– По-моему, там проходит земная ось. Наверно, она воткнута в землю. Правда?

– Конечно, там есть ось, и, конечно, она воткнута в землю, потому что больше же ее некуда воткнуть, да к тому же она так и называется: "земляная".

– И я так думаю.

– Вопрос не в этом, – сказал Кролик. – Вопрос в том, где она, эта ось?

– Это мы скоро узнаем! – сказал Кристофер Робин.

Они вернулись к остальным участникам экспедиции. Пятачок лежал на травке и мирно похрапывал; Ру мыл мордочку и лапки в речке возле запруды, и Кенга, исполненная гордости, объясняла всем и каждому, что Ру впервые в жизни умывается самостоятельно; а Сова рассказывала Кенге интересную историю, полную длинных слов, вроде "энциклопедия" и "рододендрон", хотя Кенга и не думала ее слушать.

– Не одобряю я этих разных умываний, – ворчал Иа, – в особенности этой новой моды мыть за ушами. А ты, Пух?

– Ну, – сказал Пух, – я считаю...

Но мы никогда не узнаем, что считал Пух, потому что в этот момент раздался всплеск, послышался писк Ру и громкий испуганный крик Кенги.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Ру упал в воду! – закричал Кролик.
– Доумывался! – сказал Иа-Иа.
Кристофер Робин и Пух кинулись на помощь.
– Смотрите, как я плаваю! – пропищал Ру. Он был уже на середине пруда, и течение быстро несло его к водопаду у плотины.
– Ру, дорогой, ты цел? – кричала Кенга.
– Да! – отвечал Ру. – Смотри, как я пла... Буль, будь! – И он вынырнул уже у следующей запруды.
Все, как могли, старались ему помочь.
Пятачок, совершенно проснувшийся, прыгал на месте и кричал: "Ой, ой!"; Сова объясняла, что в случае неожиданного погружения в воду самое важное – это держать голову над поверхностью; Кенга огромными скачками неслась по берегу, не забывая спрашивать: "Ру, дорогой, ты действительно цел?" – на что Ру отвечал: "Смотрите, как я плаваю!"; Иа сел возле запруды – той самой, где Ру упал, – и опустил в воду хвост. Повернувшись спиной ко всему происходящему, он приговаривал: "Все из-за этого мытья; но ты только держись за мой хвост, Ру, и все будет в порядке". А Кристофер Робин и Кролик носились взад и вперед, созывая всех остальных.
– Ру, держись, мы идем к тебе! – кричал Кристофер Робин.
– Эй вы там, ребята, перебросьте что-нибудь через реку, немного пониже! – командовал Кролик.
И только Винни-Пух сделал что-то полезное. Он подхватил длинную палку и перебросил ее на тот берег. Туда сразу же перескочила Кенга и схватила другой конец; они опустили палку к самой воде, и вскоре Ру, который продолжал радостно булькать: "Смотрите, как я плаваю!" – ухватился за нее и выкарабкался на берег.
– Вы видели, как я плаваю? – пищал Ру в восторге, пока Кенга вытирала его. – Пух, ты видел, как я плаваю? Вот это называется плавать! Кролик, ты видел, что я делал? Я плавал! Эй, Пятачок! Пятачок, слышишь? Как ты думаешь, что я сейчас делал? Я плавал! Кристофер Робин, ты видел, как я...
Но Кристофер Робин не слышал, он смотрел на Пуха.
– Пух, – сказал он, – где ты нашел эту ось?
Пух посмотрел на палку, которую все еще продолжал держать.
– Ну, просто нашел, – сказал он. – Разве это ось? Я думал, это просто палка и она может пригодиться. Она там торчала в земле, а я ее поднял.
– Пух, – сказал Кристофер Робин торжественно, – экспедиция окончена. Это – Земная Ось. Мы нашли Северный Полюс.
– Ох, правда? – сказал Пух.
Когда все вернулись на лужайку, Иа все еще продолжал сидеть, опустив хвост в воду.
– Пусть кто-нибудь скажет Ру, чтобы он поторопился, – сказал он. – Мой хвост озяб. Я не жалею, я просто констатирую факт. Мой хвост замерз.
– Вот я! – пропищал Ру.
– Ах, вот ты где!
– Ты видел, как я плаваю?
Иа вытащил хвост из воды и помахал им.
– Я так и думал, – сказал он. – Ничего не чувствует. Онемел. Вот до чего дошло. Он ооченел. Ну что ж, если это никого не беспокоит, значит, так и должно быть.
– Бедный мой ослик! Я его сейчас вытру, – сказал Кристофер Робин. Он достал носовой платок и начал вытирать хвост.
– Спасибо, Кристофер Робин. Ты здесь единственный, кто понимает в хвостах. Остальные не способны думать. Вот в чем их беда. У них нет воображения. Для них хвост это не хвост, а просто добавочная порция спины.
– Не горюй, Иа! – сказал Кристофер Робин, растирая хвост изо всех сил. – Так лучше?
– Пожалуй, так он чувствует себя хвостом. Чувствует, что ты им владеешь. Если ты понимаешь, что я хочу сказать.
– Привет, Иа! – сказал Пух, подойдя со своей Осью.
– Привет, Пух. Спасибо за внимание. Я думаю, что через день-два я опять сумею им владеть.
– Чем владеть? – спросил Пух.
– Тем, о чем мы говорили.
– А я ни о чем не говорил, – сказал Пух, недоумевая.
– Значит, я опять ошибся. А я думал, ты сказал, как тебя огорчает история с моим хвостом, и спросил, не мог бы ты чем-нибудь помочь.
– Нет, – сказал Пух чистосердечно. – Это был не я. – Он подумал немножко и, желая помочь выяснить вопрос, добавил: – Наверно, это был кто-нибудь другой.
– Ну что ж, тогда поблагодари его от моего имени, когда вы увидите.
Пух смущенно посмотрел на Кристофера Робина.
– Пух нашел Северный Полюс, – сказал Кристофер Робин. – Здорово, правда? Вот Земная Ось.
Пух скромно опустил глаза.
– Вот это? – спросил Иа.
– Да, – сказал Кристофер Робин.
– Значит, мы вот эту штуку искали?
– Да, – сказал Пух.
– Гм, – сказал Иа-Иа. – Ну что ж. Во всяком случае, дождя не было, – добавил он.
Они воткнули Ось в землю, и Кристофер Робин привязал к ней дощечку с надписью:

СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС
ОТКРЫТ ПУХОМ
ПУХ ЕГО НАШЕЛ

Потом все отправились по домам. И, по-моему, хотя я в этом и не вполне уверен, Крошке Ру пришлось принять горячую ванну и немедленно лечь спать. А Пух так гордился своим подвигом, что должен был очень-очень основательно подкрепиться.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ В КОТОРОЙ ПЯТАЧОК СОВЕРШЕННО ОКРУЖЕН ВОДОЙ

Дождик лил, лил и лил. Пятачок сказал себе, что никогда за всю свою жизнь – а ему было ужасно много лет: может быть, три года, а может быть, даже четыре! – никогда он еще не видел столько дождя сразу. А дождь лил, и лил, и лил. С утра до вечера День за днем.
"Вот если бы, – думал Пятачок, выглядывая из окна, – я был в гостях у Пуха, или у Кристофера Робина, или хотя бы у Кролика, когда дождь начался, мне было бы все время весело. А то сиди тут один-одинешенек и думай, когда он перестанет!"
И он представлял себе, что он в гостях у Пуха и говорит ему: "Ты видал когда-нибудь такой дождь?" – а Пух отвечает: "Ну прямо ужасно!", или он, Пятачок, в свою очередь, говорит: "Интересно, не размыло ли дорогу к Кристоферу Робину?", а Пух отвечает: "А бедный старый Кролик, наверно, смылся из дому".
Конечно, такая беседа – это одно удовольствие!
И вообще какой толк в таких потрясающих вещах, как потопа и наводнения, если тебе не с кем даже о них поговорить?
А было, спору нет, потрясающе интересно. Маленькие сухие канавки, в которые Пятачок, бывало, так часто лазил, стали ручьями; ручейки, по которым он, бывало, шлепал, подвернув штанишки, превратились в потоки, а речка, на берегах которой друзья так весело играли, вылезла из своего ложа (так называют речкину постель) и разлилась так широко, что Пятачок начал беспокоиться, не заберется ли она скоро и в его собственное ложе (то есть в его постель).
"Да, немного страшновато, – сказал он сам себе, – быть Очень Маленьким Существом, совершенно окруженным водой! Кристофер Робин и Пух могут спастись, забравшись на дерево, Кенга может ускакать и тоже спастись, Кролик может спастись, зарывшись в землю. Сова может улететь, а Иа может спастись – ммм... если будет громко кричать, пока его не спасут.
А вот я сижу тут, весь окруженный водой, и совсем-совсем ничего не могу сделать!"
Дождь все лил, и с каждым днем вода подымалась немножко выше, и вот она подошла уже к самому эошку, а Пятачок все еще ничего не сделал.
И вдруг он вспомнил историю, которую рассказывал ему Кристофер Робин, – историю про человека на необитаемом острове, который

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

написал что-то на бумажке, положил ее в бутылку и бросил бутылку в море; и Пятачок подумал, что если он напишет что-нибудь на бумажке, положит ее в бутылку и бросит в воду, то, может быть, кто-нибудь придет и спасет его! Он обыскал весь свой дом, вернее, все, что в доме оставалось сухого, и наконец он нашел сухой карандаш, кусочек сухой бумаги, сухую бутылку и сухую пробку и написал на одной стороне бумажки:

ПОМОГИТЕ!
ПЯТАЧКУ (ЭТО Я)

а на обороте:

ЭТО Я, ПЯТАЧОК,
СПАСИТЕ, ПОМОГИТЕ!

Потом он положил бумагу в бутылку, как можно лучше закупорил бутылку, как можно дальше высунулся из окошка – но так, чтобы не выпасть, – и изо всех сил бросил бутылку.

– Плюх! – сказала бутылка и закачалась на волнах.

Пятачок следил, как она медленно уплывает, пока у него глаза не заболели, и ему стало порой казаться, что это бутылка, а порой, что это просто рябь на воде, и наконец он понял, что больше он ее никогда не увидит и что он сделал все, что мог, для своего спасения.

"И, значит, теперь, – думал он, – кто-нибудь другой должен будет что-нибудь сделать. Я надеюсь, что он сделает это быстро, потому что иначе мне придется плавать, а ведь я не умею".

Тут он очень глубоко вздохнул и сказал:

– Хочу, чтобы Пух был тут, вдвоем намного веселее!

Когда дождь начался, Винни-Пух спал. Дождь лил, лил и лил, а он спал, спал и спал.

Накануне он очень устал. Как вы помните, он открыл Северный Полюс, и он так гордился этим, что спросил Кристофера Робина, нет ли где еще Полюсов, которые Медведь с опилками в голове мог бы открыть.

"Есть еще Южный Полюс, – сказал Кристофер Робин, – и, по-моему, где-то есть Восточный Полюс и Западный Полюс, хотя люди почему-то не любят говорить о них".

Услышав это сообщение, Пух очень взволновался и предложил немедленно устроить экспедицию к Восточному Полюсу, но Кристофер Робин был чем-то занят с Кенгой, так что Пух отправился открывать Восточный Полюс сам. Открыл он его или нет, я забыл; но он вернулся домой таким усталым, что заснул в самый разгар ужина, спустя каких-нибудь полчаса после того, как сел за стол. И вот он спал, и спал, и спал.

И вдруг он увидел сон. Он, Пух, был на Восточном Полюсе, и это оказался очень холодный Полюс, весь покрытый самыми холодными сортами снега и льда. Пух разыскал пчелиный улей и улегся там спать, но в улье не хватило места для задних лапок Пуха, и их пришлось оставить снаружи. И вдруг, откуда ни возьмись, пришли Дикие Буки, обитающие на Восточном Полюсе, и стали выщипывать мех на лапках Пуха, чтобы устроить гнезда для своих малышей, и чем больше они щипали, тем холоднее становилось лапкам, и наконец Пух проснулся с криком и обнаружил, что он сидит на стуле, а ноги у него в воде и вокруг него всюду тоже вода!

Он прошлепал к двери и выглянул наружу...

– Положение серьезное, – сказал Пух, – надо искать спасения.

Он схватил самый большой горшок с медом и спасся с ним на толстую-претолстую ветку своего дерева, торчавшую высоко-высоко над водой.

Потом он опять слез вниз и спасся с другим горшком.

А когда все спасательные операции были окончены, на ветке сидел Пух, болтая ногами, а рядом стояло десять горшков с медом...

На другой день на ветке сидел Пух, болтая ногами, а рядом стояли четыре горшка с медом.

На третий день на ветке сидел Пух, болтая ногами, а рядом стоял один горшок с медом.

На четвертый день на ветке сидел Пух один-одинешенек.

И в это самое утро бутылка Пятачка проплывала мимо Пуха.

И тут с громким криком "Мед! Мед!" Пух кинулся в воду, схватил бутылку и, по шейку в воде, храбро вернулся к дереву и влез на ветку.

– Жаль, жаль, – сказал Пух, открыв бутылку, – столько мокнуть, и совершенно зря!.. Погодите, а что тут делает эта бумажка?

Он вытащил бумажку и посмотрел на нее.

– Это Спасание, – сказал он, – вот что это такое. А вот это буква "Пы", да-да-да, да-да-да, а "Пы", наверно, значит "Пух", и, значит, это очень важное Спасание для меня, а я не могу узнать, что оно значит! Надо бы найти Кристофера Робина, или Сову, или Пятачка – словом, какого-нибудь читателя, который умеет читать все слова, и они мне скажут, про что тут написано; только вот плавать я не умею. Жалко!

И вдруг ему пришла в голову мысль, и я считаю, что для медведя с опилками в голове это была очень хорошая мысль. Он сказал себе:

"Раз бутылка может плавать, то и горшок может плавать, а когда горшок поплывет, я могу сесть на него, если это будет очень большой горшок".

Он взял свой самый большой горшок и завязал его покрепче.

– У каждого корабля должно быть название, – сказал он, – значит, я назову свой – "Плавучий Медведь".

С этими словами он бросил свой корабль в воду и прыгнул вслед.

Некоторое время Пух и "Плавучий Медведь" не могли решить вопроса о том, кто из них должен быть сверху, но в конце концов они договорились. "Плавучий Медведь" оказался внизу, а на нем – Пух, отчаянно болтавший ногами.

Кристофер Робин жил в самом высоком месте Леса. Дождь лил, лил и лил, но вода не могла добраться до его дома. И, пожалуй, было довольно весело смотреть вниз и любоваться всей этой водой, но дождь был такой сильный, что Кристофер Робин почти все время сидел дома и думал о разных вещах.

Каждое утро он выходил (с зонтиком) и втыкал палочку в том месте, до которого дошла вода, а на следующее утро палочка уже скрывалась под водой, так что ему приходилось втыкать новую палочку, и дорога домой становилась все короче и короче.

Наутро пятого дня он понял, что впервые в жизни оказался на настоящем острове. Это, конечно, было очень-очень здорово!

И в это самое утро прилетела Сова, чтобы узнать, как поживает ее друг Кристофер Робин.

– Слушай, Сова, – сказал Кристофер Робин, – до чего здорово! Я живу на острове!

– Атмосферные условия в последнее время были несколько неблагоприятными, – сказала Сова.

– Что, что?

– Дождик был, – пояснила Сова.

– Да, – сказал Кристофер Робин, – был.

– Уровень паводка достиг небывалой высоты.

– Кто?

– Я говорю – воды кругом много, – пояснила Сова.

– Да, – согласился Кристофер Робин, – очень много.

– Однако перспективы быстро улучшаются. Прогноз показывает...

– Ты видела Пуха?

– Нет, прогноз...

– Я надеюсь, он жив и здоров, – сказал Кристофер Робин. – Я немного беспокоюсь о нем. Интересно, Пятачок с ним или нет? Ты думаешь, у них все в порядке, Сова?

– Я полагаю, что все в порядке. Ты понимаешь, прогноз...

– Знаешь что, Сова, погляди, как они там, потому что ведь у Пуха опилки в голове и он может сделать какую-нибудь глупость, а я его так люблю, Сова. Понимаешь, Сова?

– Очень хорошо, – сказала Сова, – я отправляюсь. Вернусь немедленно. – И она улетела.

Вскоре она вернулась.

– Пуха там нет, – сказала она.

– Нет?

– Он был там. Он сидел на ветке с девятью горшками меда. Но теперь его там нет.

– Пух, дорогой, – крикнул Кристофер Робин, – где же ты?

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Вот где я, – ответил сзади ворчливый голосок.

– Пух!!

Они кинулись обниматься.

– Как ты сюда попал, Пух? – спросил Кристофер Робин, когда он смог снова заговорить.

– На корабле! – сказал Пух гордо. – Я получил очень важное Спасание в бутылке, но так как мне попала в глаза вода, я не мог его прочитать и привез его тебе на своем корабле.

С этими гордыми словами он передал Кристоферу Робину послание.

– Это же от Пятачка! – закричал Кристофер Робин, прочитав послание.

– А про Пуха там ничего нет? – спросил медвежонок, заглядывая Кристоферу Робину через плечо.

Кристофер Робин прочел послание вслух.

– Ах, так все эти "Пы" были Пятачки? А я думал, это были Пухи.

– Надо его немедленно спасти! Я–то думал, что он с тобой, Пух. Сова, ты можешь его спасти на спине?

– Не думаю, – отвечала Сова после длительного размышления. – Сомнительно, чтобы спинная мускулатура была в состоянии...

– Тогда полети к нему сейчас же и скажи, что спасение приближается, а мы с Пухом подумаем, как его спасти, и придем, как только сможем. Ой, Сова, только, ради бога, не разговаривай, лети скорее!

И, все еще повторяя про себя то, что она хотела, но не успела высказать, Сова улетела.

– Ну вот, Пух, – сказал Кристофер Робин, – где твой корабль?

– Надо сказать, – объяснил Пух Кристоферу по дороге к берегу, – что это не совсем обыкновенный корабль. Иногда это корабль, а иногда это вроде несчастного случая. Смотря по тому...

– Смотря по чему?

– Ну, по тому – наверху я или внизу. На нем или под ним.

– Ну, а где он?

– Вот, – сказал Пух гордо и указал на "Плавучего Медведя".

Да, это было совсем не то, что Кристофер Робин ожидал увидеть.

И чем больше он глядел на "Плавучего Медведя" тем больше он думал о том, какой же храбрый и умный медведь Винни–Пух, но чем больше Кристофер Робин думал об этом, тем скромнее глядел Пух в землю, стараясь сделать вид, что это не он.

– Но только он слишком маленький для нас обоих, – сказал Кристофер Робин грустно.

– Для нас троих, считая Пятачка.

– Ну, значит, он еще меньше. Винни–Пух, что же нам делать?

И тут этот медвежонок, Винни–Пух, Д.П. (Друг Пятачка), П.К. (Приятель Кролика), О.П. (Открыватель Полюса), У.И. и Н.Х. (Утешитель Иа–Иа и Находитель Хвоста), – одним словом, наш Винни–Пух сказал такую мудрую вещь, что Кристофер Робин смог только вытаращить глаза и открыть рот, не понимая – неужели это тот самый медведь с опилками в голове, которого он так давно знает и любит.

– Мы поплывем в твоём зонтике, – сказал Пух.

– ??

– Мы поплывем в твоём зонтике, – сказал Пух.

– ??

– Мы поплывем в твоём зонтике, – сказал Пух.

– !!!

Да, Кристофер Робин вдруг понял, что это возможно. Он открыл свой зонтик и опустил его на воду. Зонтик поплыл, но закачался. Пух влез в него. И он было уже хотел сказать, что все в порядке, когда обнаружил, что не все, и после непродолжительного купания он вброд вернулся к Кристоферу Робину. Потом они оба сели в зонтик, и зонтик больше не качался.

– Мы назовем это судно "Мудрость Пуха", – сказал Кристофер Робин.

И "Мудрость Пуха" на всех парусах поплыла в юго–восточном направлении, время от времени плавно вращаясь.

Представьте себе, как образовался Пятачок, когда наконец увидел Корабль! Потом долгие годы он любил думать, что был в очень большой опасности во время этого ужасного потопа, но единственная опасность угрожала ему только в последние полчаса его заключения, когда Сова уселась на ветку и, чтобы его морально поддержать, стала рассказывать ему длиннейшую историю про свою Тетку, которая однажды по ошибке снесла гусиное яйцо, и история эта тянулась и тянулась (совсем как эта фраза), пока Пятачок (который слушал Сову, высунувшись в окно), потеряв надежду на спасение, начал засыпать и, естественно, стал помаленьку вываливаться из окна; но, по счастью, в тот момент, когда он держался только одними копытцами задних ног, Сова громко вскрикнула, изображая ужас своей Тетки и ее крик, когда она (Тетка) обнаружила, что яйцо было действительно гусиное, и Пятачок проснулся и как раз успел юркнуть обратно в окно и сказать: "Ах как интересно! Да что вы говорите!" – словом, вы можете представить себе его радость, когда он увидел славный Корабль "Мудрость Пуха" (Капитан – К.Робин, 1–й помощник – В.–Пух), который плыл ему на выручку, а К.Робин и В.–Пух, в свою оче...

Ну, эта история здесь, по сути дела, кончается, а я так устал от этой последней фразы, что тоже не прочь бы кончить, но никак нельзя не рассказать о том, что было позже.

Потому что позже, когда все высохло, и все ручейки в Лесу стали опять маленькими и хорошенькими, и вода в тихих, сонных лужицах только грезилась о великих делах, которые она совершила, Кристофер Робин устроил Торжественный Вечер в честь своего друга Винни–Пуха и в честь Славного Дела, которое он – Винни–Пух – совершил.

Это был чудесный вечер! В Лесу был накрыт длинный–преддлинный стол, и на одном Председательском месте – в конце стола – сидел Кристофер Робин, а на другом Председательском месте – в другом конце стола – сидел сам Винни–Пух, а на остальных местах сидели Гости: Пятачок, и Кролик, и Иа, и Кенга, и Ру, и Сова. А кругом, в траве, расположились Родственники и Знакомые Кролика, всех сортов и размеров (начиная с тех, на которых вы иногда нечаянно наступаете, и кончая теми, которые иногда нечаянно залетают вам в глаз), и терпеливо ждали, что кто–нибудь из Гостей заговорит с ними, или что–нибудь уронит, или хотя бы спросит у них, который час.

И, конечно, все–все–все славно угостились, а потом Кристофер Робин произнес Хвалебную речь в честь того, кто совершил Славное Дело: и сказал, что для него – для того, кто это Дело совершил, – приготовлен Большой Подарок.

Но так как он не сказал, кто именно совершил Славное Дело, считая, что все и так его знают, то Иа–Иа вдруг по ошибке принял все Торжество на свой счет, и ослик понял свою ошибку только тогда, когда Подарок (большая, очень красивая коробочка) был вручен тому, кто действительно это дело совершил, то есть Винни–Пуху.

Винни–Пух принял Подарок и сказал "спасибо", и все столпились вокруг него, крича наперебой: "Открывай скорей!", "Чего там есть?", "А я знаю, что там!" и так далее.

А когда Винни–Пух открыл коробку (поскорей, но все–таки не разрезав, а развязав ленточку – ведь она всегда вдруг может понадобиться), все так и ахнули, а сам Винни чуть не упал от радости.

Потому что это оказалась Специальная Коробочка с чудеснейшим набором карандашей!

Там были карандаши, помеченные "В" – в честь Винни–Пуха, и карандаши, помеченные "НВ" – в честь Неустрашимого Винни, и еще карандаши, помеченные "ВВ" – в честь... в честь Выручательного Винни, потому что ведь это он выручил Пятачка; и еще там была Машинка для точки карандашей, и Красная Резинка, которая очень хорошо стирает все, что вы написали неправильно, и потом Линейка, и Синие Карандаши, и Красные Карандаши, и даже Зеленые и Красно–Синие, совсем как у взрослых.

И все это было для Пуха.

И, по–моему, он все это вполне заслужил.

А как вы считаете?

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

В КОТОРОЙ ДЛЯ ИА–ИА СТРОЯТ ДОМ НА ПУХОВОЙ ОПУШКЕ

Однажды, когда Винни–Пуху делать было совершенно нечего, он подумал, что все–таки надо бы чем–нибудь заняться. Вот он и решил заглянуть к Пятачку и посмотреть, чем занимается Пятачок. Шел снег, и Винни плелся по белой–белой лесной тропинке и думал, что, наверно, Пятачок сейчас греет ножки у огня; но, к своему удивлению, он увидел, что дверь дома Пятачка открыта, и чем дальше он смотрел туда, тем больше убеждался, что Пятачка там нет.

– Он ушел из дому, – грустно сказал Пух, – вот в чем дело. Поэтому его и нет дома! Придется мне прогуляться одному и самому обдумать все это. Обидно–досадно!

Но сначала он решил все–таки, чтобы окончательно удостовериться, постучать очень–очень громко... И, ожидая, пока Пятачок не ответит, он прыгал, чтобы согреться, и вдруг в его голове внезапно зазвучал Шум, и он показался Винни хорошим Шумом, который может, пожалуй,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

многим понравиться:

Иду вперед
(Тирлим-бом-бом),
И снег идет
(Тирлим-бом-бом),
Хоть нам совсем-
Совсем не по дороге!
Но только вот
(Тирлим-бом-бом)
Скажите, от-
(Тирлим-бом-бом),
Скажите, от-
Чего так зябнут ноги?

– Тогда я вот что сделаю, – сказал Винни-Пух. – Я сделаю так: просто сперва пойду домой и посмотрю, который час, и, может быть, надену шарф, а потом я пойду навещу Иа и спою ему эту Шумелку.

Винни побежал домой, и по дороге он так был занят Шумелкой, которую ведь надо было окончательно отделать, перед тем как спеть ее Иа, что, когда он внезапно увидел перед собой Пятачка, уютно устроившегося в его лучшем кресле, Пух смог только почесать в голове и впасть в глубокое раздумье – в чьем же доме он находится?

– Ой, Пятачок, – сказал он, – а я думал, тебя нет дома.

– Нет, – сказал Пятачок, – это тебя нет дома, Пух.

– Пожалуй, правильно, – сказал Пух, – во всяком случае, одного из нас нет дома.

И он посмотрел на часы, которые вот уже третью неделю показывали без пяти одиннадцать.

– Ура, ура, уже почти одиннадцать, – сказал Пух радостно, – как раз пора чем-нибудь подкрепиться!

И Винни-Пух полез в буфет.

– А потом мы пойдем гулять и споем мою Шумелку Иа, – добавил он.

– Какую Шумелку?

– Ну, да песню, которую мы собираемся спеть Иа, – объяснил Пух.

Спустя полчаса, когда Пух и Пятачок отправились в путь, часы, к их утешению, все еще показывали без пяти одиннадцать. Ветер утих, и снежок, которому надоело вертеться, пытаясь поймать самого себя за хвост, тихонько спускался вниз, и каждая снежинка сама отыскивала себе место для отдыха. Порой этим местом оказывался нос Винни-Пуха, а порой нет, и спустя немного времени у Пятачка вокруг шеи появился белый шарф, и за ушами у него было так снежно, как еще никогда в жизни.

– Пух, – сказал он наконец, слегка помявшись, потому что ведь ему не хотелось, чтобы Пух подумал, что он сдаётся. – Я вот о чем подумал: а что, если мы сейчас пойдем домой и поучим как следует твою песню, поупражняемся, а потом споем ее Иа? Завтра... или... или, например, как-нибудь в другой раз, когда мы его случайно встретим?

– Это очень хорошая мысль, Пятачок! – сказал Пух. – Мы будем сейчас повторять Шумелку по дороге, но только дома ее повторять не стоит, потому что это специальная Дорожная Шумелка для Снежной Погоды и ее надо петь на дороге, когда идет снег.

– Обязательно? – тревожно спросил Пятачок.

– Да ты сам увидишь, Пятачок, если послушаешь, потому что она вот как начинается: "Иду вперед. тирлим-бом-бом...".

– Тирлим что? – спросил Пятачок.

– Бом-бом, – сказал Пух. – Я вставил это, чтобы она была шумелочней. "И снег идет, тирлим-бом-бом, хоть нам..."

– А ты разве не сказал "иду вперед"?

– Да, но "вперед" был впереди.

– Впереди тирлим-бом-бома?

– Это же был другой тирлим-бом-бом, – сказал Винни-Пух, уже несколько сбитый с толку.

И он запел снова:

Идем
Вперед
(Тирлим-бом-бом),
И снег
Идет
(Тирлим-бом-бом),
Хоть нам
Совсем-совсем не по дороге!
Но только
Вот
(Тирлим-бом-бом)
Скажите,
От-
(Тирлим-бом-бом),
Скажите,
Отчего так зябнут ноги?

Он спел Шумелку так, по-новому, от начала до конца, и, пожалуй, так она стал еще лучше, и, окончив, Винни замолчал в ожидании, что Пятачок скажет, что из всех Дорожных Шумелок для Снежной Погоды, которые он когда-либо слышал, эта – самая лучшая.

Пятачок после долгого и серьезного размышления высказал свое мнение.

– Пух, – сказал он задумчиво, – по-моему, не так ноги, как уши!

К этому времени они уже подходили к Унылому Месту, где жил Иа, и, так как у Пятачка за ушками все еще было очень снежно и ему это начинало надоедать, они свернули в небольшую сосновую рощицу и присели на калитку в изгороди.

Теперь снег на них не падал, но все еще было очень холодно, и, чтобы не замерзнуть, они спели Шумелку Пуха шесть раз от начала до конца (Пятачок исполнял все тирлим-бом-бомы, а Пух все остальное), причем оба в нужных местах колотили по изгороди палочками.

Вскоре им стало гораздо теплее, и они смогли продолжить разговор.

– Я сейчас думал, – сказал Пух и думал я вот о чем: я думал про Иа.

– А что ты думал про Иа?

– То, что ведь бедному Иа негде жить.

– Негде, негде, – согласился Пятачок.

– У тебя есть дом, Пятачок, и у меня есть дом, и это очень хорошие дома. И у Кристофера Робина дом, у Совы, и Кенги, и у Кролика тоже есть дома, и даже у Родственников и Знакомых Кролика тоже есть дома или что-нибудь в этом роде, а у бедного Иа нетсовсем ничего. И вот что я придумал: давай построим ему дом.

– Это замечательная мысль, – сказал Пятачок. – А где мы его построим?

– Мы построим его здесь, – сказал Пух, – на опушке этой рощицы. Тут нет ветра, и тут я об этом подумал. Мы можем назвать это место "Пухова опушка", и мы построим для Иа на Пуховой Опушке – ДОМ ИА.

– Ой, кстати, там за рощей я видел грудку палочек, – сказал Пятачок. – Там их навалена целая куча! Ну прямо целая гора!

– Спасибо, Пятачок, То, что ты сказал, будет нам очень полезно, и за это я бы мог назвать это место Пуховопятачковой Опушкой, если бы Пухова Опушка не звучала лучше. Но только она звучит лучше потому, что она пушистей и, значит, больше похожа на опушку.

Они слезли с изгороди и отправились за палочками.

...Кристофер Робин все это утро провел в комнате, путешествуя в Африку и обратно, и он как раз сошел с корабля и подумал: "Интересно,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

какая сейчас на улице погода", как вдруг в его дверь постучал не кто иной, как Иа.

– Здравствуй, Иа, – сказал Кристофер Робин, открыв дверь и выйдя на двор. – Как ты себя чувствуешь?

– Снег все идет, – мрачно сказал Иа.

– Да, да.

– И мороз.

– Да?

– Да, – сказал Иа. – Однако, – добавил он, немного просветлев, – землетрясений у нас в последнее время не было.

– Что случилось, Иа?

– Ничего, Кристофер Робин. Ничего существенного. Ты, конечно, не видел где-нибудь здесь дома или чего-нибудь в этом роде?

– Какого дома?

– Просто дома.

– А кто там живет?

– Я живу. По крайней мере, я думал, что я там живу. Но, по-видимому, я там не живу. Ну что ж, в конце концов не у всех же должны быть дома.

– Ой, Иа, я не знал. Я всегда думал...

– Не знаю, в чем тут дело, Кристофер Робин, но из-за всего этого снега и тому подобного, не говоря уже о сосульках и всем прочем, сейчас в поле часа в три утра не так жарко, как думают некоторые. Не сказать, чтобы там было душно, если ты понимаешь, что я имею в виду. Да, жаловаться на духоту не приходится. Никак не приходится. По правде говоря, Кристофер Робин, – продолжал Иа громким шопотом, – строго между нами, совершенно секретно, если никому не говорить, – там холодно.

– Ой, Иа!

– И я сказал себе – ведь остальные, пожалуй огорчатся, если я замерзну. Правда, у них ни у кого нет ума, в голове у них только опилки, да и те, очевидно, попали туда по ошибке, и они не умеют думать, но если снег будет идти еще недель шесть или в этом духе, даже кто-нибудь из них может сказать себе: "Пожалуй, Иа не так уж жарко сейчас, часа в три утра". А потом он захочет это проверить. А еще потом ему станет очень грустно.

– Ой, Иа! – сказал Кристофер Робин, которому уже стало очень грустно.

– Я не имел в виду тебя, Кристофер Робин. Ты не такой. Словом, все это я клоню к тому, что я построил себе дом возле своей маленькой рощицы.

– Правда построил? Как замечательно!

– Действительно замечательным, – продолжал Иа самым унылым тоном, – представляется мне то, что, когда я утром уходил, он был там, а когда я вернулся, его там не было. Вообще это все вполне понятно, в конце концов это был всего лишь дом Иа. Но все-таки я несколько обескуражен.

Кристоферу Робину некогда было особенно удивляться. Он уже забежал в свой дом и моментально натянул теплую шапку, теплые ботинки и теплое пальто.

– Мы сейчас пойдем и выясним это, – сказал он Иа.

– Иногда, – сказал Иа, – когда люди забирают чей-нибудь дом, там остается кусочек-другой, который им не нужен и который они с удовольствием вернут бывшему хозяину, если ты понимаешь, что я хочу сказать. Вот я и думаю, что если мы заглянем...

– Пошли, пошли, – сказал Кристофер Робин.

Они пошли очень быстро, и поэтому они очень быстро пришли на ту опушку рощи, где н е б ы л о дома Иа.

– Ну вот, – сказал Иа. – Не осталось ни единой палочки. Конечно, жаловаться не приходится, ведь остался весь этот снег, с которым я могу делать все, что я хочу!

Но Кристофер Робин не слушал Иа. Он прислушивался к чему-то другому.

– Ты не слышишь? – спросил он Иа.

– А что там такое? Кто-то смеется?

– Слушай.

Они прислушались... И они услышали ворчливый басок, напевавший, что и он идет, и снег идет, хотя им совсем-совсем не по дороге, и чей-то тоненький голосок, успевавший вовремя тирлиббомбомкать.

– Это Пух! – радостно сказал Кристофер Робин.

– Вероятно, – сказал Иа.

– И еще Пятачок, – взволнованно сказал Кристофер Робин.

– Возможно, – сказал Иа. – Кто нам сейчас действительно нужен – это хорошая ищейка.

Слова песни неожиданно изменились.

– Наш дом готов! – пел бас.

– Тирлим-бом-бом, – пел пискливый голосок.

– Прекрасный дом...

– Тирлим-бом-бом...

– Я сам охотно жил бы в нем!..

– Тирлим-бом-бом...

– Пух! – закричал Кристофер Робин.

Певцы замолчали.

– Это Кристофер Робин, – в восторге сказал Пух.

– Он на той стороне. Там, где мы взяли палочки, – сказал Пятачок.

– Побежали, – сказал Пух.

Они помчались по опушке вокруг рощи, и всю дорогу Пух издавал приветственные возгласы.

– Эй, а тут Иа! – сказал Пух, когда они с Кристофером Робинком кончили обниматься. Он толкнул локтем Пятачка, а Пятачок толкнул локтем его, и они подумали, какой это приятный сюрприз. – Здравствуй, Иа!

– И тебе желаю того же, медвежонок Пух, а по четвергам – вдвое, – уныло сказал Иа.

Не успел Винни-Пух спросить: "Почему по четвергам?" – как Кристофер Робин начал рассказывать грустную историю пропавшего дома Иа.

Пух и Пятачок слушали, и глаза у них становились все больше и больше.

– Где, ты говоришь, он был? – спросил Пух.

– Как раз тут, – сказал Иа.

– Он был сделан из палочек?

– Да.

– Ох, – сказал Пятачок.

– Что? – сказал Иа

– Я просто сказал "ох", – нервно ответил Пятачок, и, чтобы не подавать виду, что он смутился, раз-другой тирлиббомбомкнул так беззаботно, как только мог.

– А ты уверен, что это был дом? – спросил Пух. – Я хочу сказать, ты уверен, что как раз тут был дом?

– Конечно, уверен, – сказал Иа. Он пробормотал про себя: "Ни тени ума нет у некоторых!"

– В чем дело, Пух? – спросил Кристофер Робин.

– Ну... – сказал Пух. – Дело в том... – сказал он. – Ну, дело в том... – сказал Пух. – Понимаешь... – сказал Пух. – Как бы вам сказать... –

сказал Пух, и тут что-то, видимо, подсказало ему, что он не очень хорошо объясняет дело, так что он снова толкнул Пятачка локтем.

– Как бы вам сказать... – поспешно сказал Пятачок. – Только теплее, – добавил он после долгого размышления.

– Что- теплее?

– На той стороне рощи, где стоит дом Иа.

– Мой дом? – спросил Иа. – Мой дом был здесь.

– Нет, – твердо сказал Пятачок, – он на той опушке.

– Потому что там теплее, – сказал Пух.

– Но я хочу знать...

– Пойдем и посмотрим, – просто сказал Пятачок, приглашая всех идти за ним.

Они вышли на опушку, и там стоял дом Иа – с виду уютный-преуютный.

– Вот он, – сказал Пятачок.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Внутри не хуже, чем снаружи, – с гордостью сказал Пух.

Иа вошел в дом и снова вышел.

– Странное явление, – сказал он. – Это мой дом, и я сам построил его там, где я говорил, так что, очевидно, его сдуло сюда ветром.

Видимо, ветер перенес его прямо через рощу и тут опустил. И он стоит здесь целый и невредимый. Пожалуй, местами он даже лучше!

– Гораздо лучше! – хором сказали Пух и Пятачок.

– Вот вам пример того, что можно сделать, если не поленишься, – сказал Иа. – Тебе понятно, Пух? Тебе понятно, Пятачок? Во-первых, – Сmealка, а во-вторых, – Добросовестная Работа. Ясно? Вот как надо строить дом! – гордо закончил Иа.

Все попрощались со счастливым хозяином дома, и Кристофер Робин пошел обедать со своими друзьями – Пухом и Пятачком. По дороге друзья рассказали ему об Ужасной Ошибке, которую они совершили, и, когда он кончил смеяться, все трое дружно запели Дорожную Шумелку для Снежной Погоды и пели ее всю дорогу, причем Пятачок, который все еще был немного не в голосе, только тирлиббомбомкал. "Конечно, кажется, что тирлиббомбомкать легко, – сказал Пятачок про себя, – но далеко не каждый и с этим сумеет справиться!"

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

В КОТОРОЙ В ЛЕС ПРИХОДИТ ТИГРА И ЗАВТРАКАЕТ

Винни-Пух внезапно проснулся в полночь и насторожился. Потом он встал с постели, зажег свечку и пошел к буфету – проверить, не пытается ли кто-нибудь туда залезть, но там никого не было, так что он, успокоенный, вернулся обратно, задул свечку и лег в постель. И тут он снова услышал Подозрительный Звук – тот самый, который его разбудил.

– Это ты, Пятачок? – спросил Пух.

Но это был не он.

– Входи, Кристофер Робин, – сказал Пух.

Но Кристофер Робин не вошел.

– Завтра расскажешь, Иа, – сказал Пух сонным голосом.

Но звук продолжался.

– ВОРРАВОРРАВОРРАВОРРАВОРРА! – говорил Неизвестно Кто, и Пух вдруг почувствовал, что ему, в общем, совершенно не хочется спать.

"Что это может быть такое? – подумал он. – У нас в Лесу бывает множество всяких звуков, но этот какой-то странный. Это и не пение, и не сопение, и не хрипение... Это даже не тот звук, который издаешь перед тем, как прочитать вслух стихи. Это какой-то незнакомый шум, и шумит какой-то незнакомый зверь. А главное, он шумит у самой моей двери. Очевидно, надо встать и попросить его перестать".

Винни встал с постели и открыл дверь.

– Привет! – сказал он, обращаясь неизвестно к кому.

– Привет! – ответил Неизвестно Кто.

– Ох! – сказал Пух. – Привет!

– Привет!

– А, это ты! – сказал Пух. – Привет!

– Привет! – сказал Чужой Зверь, недоумевая, до каких пор этот обмен приветствиями будет продолжаться.

Пух как раз собирался сказать "Привет!" в четвертый раз, но поймал, что, пожалуй, не стоит, и вместо этого он спросил:

– А кто это?

– Я, – отвечал Голос.

– Правда? – сказал Пух. – Ну, тогда входи!

Тут Неизвестно Кто вошел, и при свете свечи он и Пух уставились друг на друга.

– Я – Пух, – сказал Винни-Пух.

– А я – Тигра, – сказал Тигра.

– Ох! – сказал Пух. (Ведь он никогда раньше видел таких зверей.) – А Кристофер Робин знает при тебя?

– Конечно, знает! – сказал Тигра.

– Ну, – сказал Пух, – сейчас полночь, и это самое подходящее время, чтобы лечь спать, а завтра утром у нас будет мед на завтрак. Тигры любят мед?

– Они все любят! – весело сказал Тигра.

– Тогда, раз они любят спать на полу, я пойду опять лягу в постель, – сказал Пух, – а завтра мы наймемся делами. Спокойной ночи!

И он лег в постель и поскорее заснул. Первое, что он увидел утром, проснувшись, – был Тигра, который сидел перед зеркалом, уставившись на свое отражение.

– Доброе утро! – сказал Пух.

– Доброе утро! – сказал Тигра. – Смотри-ка, тут есть кто-то, точь-в-точь как я, а я думал, я только один такой.

Пух вылез из постели и начал объяснять, что такое зеркало, но едва он дошел до самого интересного места, Тигра сказал:

– Минуточку! Извини, пожалуйста, но там кто-то лезет на твой стол!.. ВОРРАВОРРАВОРРАВОРРАВОРРА! – проворчал он, схватил угол

скатерти, стащил ее на пол, завернулся в нее три раза, перекатился в другой конец комнаты и, после отчаянной борьбы, сунул голову из-под скатерти и весело спросил:

– Ну, кто победил? Я?

– Это моя скатерть, – сказал Пух, начиная разворачивать Тигру.

– Никогда бы не подумал, что ее так зовут, – сказал Тигра.

– Ее стелют на стол, и на нее потом все ставят.

– А тогда зачем она старалась укусить меня, когда я не смотрел?

– Не думаю, чтобы она очень старалась, – сказал Пух.

– Она старалась, – сказал Тигра, – но где ей со мной справиться!

Пух расстелил скатерть на столе, поставил большой горшок меду на скатерть, и они сели завтракать.

Как только они сели, Тигра набрал полный рот меду... и поглядел на потолок, склонив голову набок. Потом послышалось чмокание – удивленное чмокание, и задумчивое чмокание, и чмокание, означающее: "Интересно, что же это нам такое дали?"

А потом он сказал очень решительным голосом:

– Тигры не любят меда!

– Ай-ай-ай! – сказал Пух, стараясь показать, что его это ужасно огорчило. – А я-то думал, что они любят все.

– Все, кроме меда, – сказал Тигра.

Сказать по совести, Винни-Пуху это было довольно приятно, и он поспешно сообщил Тигре, что, как только он, Пух, справится со своим завтраком, они пойдут в гости к Пятачку, и, может быть, он угостит их желудями.

– Спасибо, Пух, – сказал Тигра, – потому что как раз желуды Тигры любят больше всего на свете!

И вот после завтрака они отправились в гости к Пятачку, и Пух по дороге объяснял, что Пятачок – очень Маленькое Существо и не любит, когда на него наскакивают, так что он, Пух, просит Тигру не очень распрыгиваться для первого знакомства, а Тигра, который всю дорогу прятался за деревьями, то вдруг выскакивал из засады, стараясь поймать тень Пуха, когда она не смотрела, отвечал, что Тигры наскакивают только до завтрака, а едва они съедят немного желудей, они становятся Тихими и Вежливыми. Так они незаметно дошли до дверей Пятачка и постучали.

– Здравствуй, Пух, – сказал Пятачок.

– Здравствуй, Пятачок. А это – Тигра.

– П-п-правда? – спросил Пятачок, отъезжая на стуле к противоположному краю стола. – А я думал, Тигры не такие большие.

– Ого-го! Это ты не видал больших! – сказал Тигра.

– Они любят желуды, – сказал Пух, – поэтому мы и пришли. Потому что бедный Тигра до сих пор еще совсем не завтракал.

Пятачок подвинул корзинку с желудями Тигре и сказал: "Угощайтесь, пожалуйста", а сам крепко прижался к Пуху и, почувствовав себя гораздо храбрее, сказал: "Так ты Тигра? Ну-ну!" – почти веселым голосом. Но Тигра ничего не ответил, потому что рот у него был набит желудями...

Он долго и громко жевал их, а потом сказал:

– Мимы ме мюмят момумей.

А когда Пух и Пятачок спросили: "Что, что?" – он сказал:

– Мимимите! – и выбежал на улицу.

Почти в ту же секунду он вернулся и уверенно объявил:

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Тигры не любят желудей.

– А ты говорил, они любят все, кроме меда, – сказал Пух.

– Все, кроме меда и желудей, – объяснил Тигра.

Услышав это, Пух сказал: "А-а, понятно!" – а Пятачок, который был, пожалуй, немного рад, что Тигры не любят желудей, спросил:

– А как насчет чертополоха?

– Чертополох, – сказал Тигра, – Тигры действительно любят больше всего-всего на свете!

– Тогда пойдем навестим Иа, – предложил Пятачок.

Все трое отправились в путь. Они шли, и шли, и шли и наконец пришли в тот уголок Леса, где

[Далее...](#)